

Встречи

с А. М. Горьким

А. М. КАЛЮЖНЫЙ

Отдельные впечатления, полученные А. М. Горьким в Тифлисе, в период нашей первой встречи, послужили для него в дальнейшем творческой темой.

После отъезда Алексея Максимовича я получил от него письмо, в котором он просит повидать знакомую Ольгу Фоминишну Каменскую и передать ей, что ее дочь можно устроить в студии Немировича-Данченко.

О ней я до этого не был знаком. Когда я пришел к ней, она писала картину маслом. Ее дочь была 12-ти лет.

Алексей Максимович перевел на мое имя из Нижнего 150 рублей для передачи художнице.

Меня самого тогда заинтересовало: что облизало Горького с ней. И только много лет спустя, когда я прочел рассказ «О первой любви», я увидел, что это он изобразил ее, заглянул в душу.

Ольга Фоминишна была лет 35-ти, блондинка, интересная, подвижная, с живым характером.

«Я хорошо чувствовал ее острый, лепкий ум,—пишет Горький в рассказе,—понимал, что она культурно выше меня, видел ее добросердечно-нисходительное отношение к людям» и дальше: «Она уходит в угол комнаты и говорит оттуда:

— Сделаем так: вы уезжаете в Нижний, а я останусь здесь, подумаю и напишу вам»...

Переписывались ли они между собой непосредственно,—не знаю.

Вторым эпизодом, взятым в основу рассказа «Ошибка», была встреча Алексея Максимовича с Гуго Читадзе, которого я знал еще по ссылке. В Тифлисе Читадзе приехал раньше меня. Он же познакомил меня с Чарквани, который имел в Тифлисе книготорговлю, на самом же деле у него собирался круг людей, поддерживающих свя-

зи с бывшими ссыльными.

Пешков мне о Читадзе ничего не рассказывал. Об их встречах я узнавал от Никиты Макаровича Кара-Мурза, служившего, как и я, на железной дороге. Он вместе с Пешковым ухаживал за больным Гуго Читадзе. Гуго помешался. Он порывался выйти в город, и Пешкову приходилось удерживать его и укладывать в постель.

«Воображает себя гением добра и дерется,—пишет Горький в рассказе.— Смешно и жалко. Вывадет доктор. Хлопочут о помещении в больницу, но все так медленно»...

Я однажды, еще до того, как Читадзе слег в больницу, встретился с ним и он сейчас же назначил меня на какую-то должность. Его преследовала мания, что мы можем завладеть всеми должностями и быть благотворителями.

«Ошибка» Горький мне не прочел. Уже позднее, получив от него 4 томика, я познакомился с этим рассказом. Алексей Максимович писал «Ошибка» в комнате Читадзе, в часы мучительного дежурства у постели больного. Н. К. Кара-Мурза рассказывал мне, как Горький подряд несколько дней ухаживал за Читадзе и тут же быстро заносил на листки бумаги свой новый рассказ.

В 1901 году приехали в Тифлис и остановились в «Северной гостинице» Горький, Чехов, Васнецов и с ними братья Средин и Алексинский. Приехали они из Крыма. Целью их была экскурсия по Кавказу. Средин прибыл первым. О нем и писал мне Горький в письме. Остальных я встретил всех вместе на вокзале.

Их объединяла общая культура.

Чехов обычно грустил, он любил уединение. Я думаю, что его томляли предчувствия, вызванные его болезнью.

Как-то раз мы сидели в гостинице и он в общей беседе сказал нам, что в России безраздельно правят пьянство, сифилис, безграмотность. «У нас,—говорил он,—земля населена не густо. Нужно гуще ее заселить, развить промышленность». Это было исключительным высказыванием, потому что поли-

тические темы Чехов почти не затрагивал. Притом компания к таким разговорам не была расположена.

Цель их путешествия—отдых да и только. Кавказ их привлекал своими красотами. Пробыли они в Тифлисе с неделю. Съездили в Мцхет. Горький больше проводил время с Алексинским. С ним он дружил. В Мцхете осматривали собор, ходили по селу, осмотрели еще другой монастырь; больше всего этим интересовался Васнецов, но зарисовок не делал.

— Величественная простота,—говорил он,—симметрия и в то же время художественная свобода.

Военный собор в Тифлисе он назвал черепахой.

Вспоминаю одну из бесед с Чеховым. Мы ехали вдвоем на фазтоне. Я говорил ему: «Ваши рассказы напоминают мне Мопасана. Вы наш Мопасан только на российские темы». Потом заговорили о Горьком, и Чехов сказал мне: «Алексею Максимовичу нужно сюртук одеть»... то-есть покинуть средь своих нынешних героев.

В 1903 году Горький снова приехал

в Тифлис с женой Екатериной Павловной, Пятницким и Тихомировым. Жена его произвела на меня очень приятное впечатление.

Остановились они в гостинице «Лондон». Тихомиров был одним из режиссеров труппы. Пятницкий имел отношение к издательству «Знание». Я, правду сказать, от него и слова не слышал, какой-то замкнутый. Что он за личность—я решительно не мог понять. С Горьким его сближали видимо общие дела по издательству.

В 1901—1903 гг. Горький о себе ничего не рассказывал. Но встреча была трогательная, даже прослезилась.

— А у меня теперь философия Гартмана есть,—сказал он мне однажды шутя. Не мог забыть, что я ему тогда не дал этой книги.

В годы второй и третьей встречи с Алексеем Максимовичем я получил от него 4 томика рассказов и очерков. Потом еще 5 книг и альбом с открытками постановки «На дне». В беседе о пьесе «На дне» я огорчил Горького своим суждением:

— Герои не связаны друг с другом,

Дорогой друг и приятель мой
Александр Александрович!

С той поры, как я, счастливо без себя,
встретился с Вами тридцать четыре
года: с того дня, как мы выжили
второй и последний раз — истекло
два года

Дошло время и безвременно рано
дей среди них были люди крупные и яркие.
Но, поверьте! — никто из них не затмил
ни в памяти сердца моего Ваш об-
раз

Дорогой друг, счастливый приятель мой
— крайню душу Вашу пишу
Александр Пешков —
М Горький

25-X-25

Соплято

Сорренто

Снимок с письма М. Горького к А. Калюжному.

какая может быть спеническая увязка?
— Это не драма, — ответил он мне на
это, — а картины.

Я возразил:

— Вот Сатин, и вдруг: «человек —
это звучит гордо». Это может быть
чувствуете вы, а он навряд ли мог
так сказать.

Слова мои заделали Горького. И вот
доказательство этому: книгу «На
дне» он написал мне просто, без обыч-
ной теплоты: «А. М. Калюжному, А.
Пешков». Уже позднее я узнал об успе-
хе драмы Горького, о двухсотом
представлении в Берлине и т. д. В
назидание мне Горький прислал аль-
бом с открытками. Это было единст-
венное мое огорчение за все время
знакомства с Горьким.

В 1925 году друзья мои решили от-
праздновать 25-летие моей службы на
Закавказской железной дороге. Они же,
не сказав мне ничего, написали об
этом Алексею Максимовичу в Сорренто.
Письмо, полученное на мое имя от

Горького, вскрыли самолично и прочли
мне лишь на моем юбилейном вечере.

Я и сердит был на них и в то же
время радовался приветным строчкам
Алексея Максимовича.

«С той поры, как я счастливо для
себя встретился с Вами, — писал он
мне, — прошло тридцать четыре года; с
того дня, как мы выжили второй и
последний раз — истекло двадцать два
года.

За это время я встретил сотни лю-
дей, среди них были люди крупные и
яркие. Но, поверьте, — никто из них не
затмил в памяти сердца моего Ваш
образ.

Это потому, дорогой друг, что Вы
были первым человеком, который от-
несся ко мне воистину по-человече-
ски»...

Алексея Максимовича я надеялся
еще увидеть в 1928 году, когда он
приезжал в Тифлис. Я был тогда на
даче. Мы раз'ехались, и нам так и не
пришлось больше встретиться.

Записал Г. БЕБУТОВ.